

Роза на кресте

Михаил
Учайкин

Демонстрация

Михаил Учайкин

Роза на кресте

Текст предоставлен правообладателем

Роза на кресте:

ISBN 978-5-98901-182-7

Аннотация

Однажды в редакцию модного глянцевого журнала молодая женщина принесла старую коленкоровую тетрадь, исписанную мелким почерком. Она сказала, что это история любви и ненависти ее брата. На самом деле, тетрадь оказалась дневником совсем другого человека – женщины, душа которой вынуждена была скитаться между временами и мирами.

Одна, всегда одна. Казалось, что она уже никогда не сможет полюбить, так как стремилась только к мщенью.

Но случайная встреча помогла мятущейся душе обрести не только любовь, но и покой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	20
Глава 2	38
Глава 3	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Учайкин Михаил

Роза на кресте

Пролог

Молодой человек, скорее мальчишка, чем мужчина, оставил Адриана на улице и сделал, как показалось ему, довольно странное предложение.

– Почему вы решили взять интервью для своего журнала именно у меня? – удивленно спросил он.

– Вы мне показались типичным представителем своего пола. Не отказывайтесь, пожалуйста, – попросил жалобно мальчишка. – Я прошу вас ответить всего на несколько коротеньких вопросов. Это мое первое журналистское расследование. И мне хотелось бы выполнить его с блеском.

Адриан довольно редко ходил вот так по улицам, обычно ездил на машине. А тут ему пришла блажь в голову прогуляться до ближайшего кафе, в свой обеденный перерыв выпить стакан сока, сидя под зонтиком и вдыхая ароматы лета. Сегодня выдался первый жаркий денек после затяжной дождливой весны. И вот, на тебе, интервьюер возник на его пути, как чертик из табакерки, причем совершенно нехоти – он и так уже часть перерыва потратил на никчемную беседу с коллегой.

– И на какую тему вы планируете писать свою статью? – Адриан вопросительно приподнял бровь. Грубить не хотелось, но и тратить оставшееся от обеденного перерыва драгоценное время, отвечая на глупые вопросы мальчишки, тоже совершенно не было желания.

– Я работаю в глянцевом журнале, точнее прохожу там стажировку, – тот кивнул на бейджик, висевший на шнурке на шее. – Мне дано задание – написать статью о том, как мужчины относятся к женской дружбе.

Адриан чуть не рассмеялся. Его приняли не за того – и теперь хотят знать мнение не того, так сказать со стороны, на взаимоотношения тех, кем он был когда-то.

А впрочем, в этом что-то было. Судьба послала ему этого мальчишку.

Он, хмыкнув, окинул взглядом журналиста и поинтересовался:

– И вы думаете, это может быть напечатано?

– Все зависит от того, насколько интересно вы сможете мне рассказать на интересующую меня тему.

– А сам-то ты дальше сможешь интересно расписать? – Адриан неожиданно перешел в разговоре на «ты», уж слишком молод был его собеседник.

Мальчишка потупился и недовольно произнес: – Я еще не знаю. Вроде, говорят, я нормально пишу.

– Ну раз нормально, – Адриан снова вернул разговор в деловое вежливое русло. – Почему бы вам самому не написать

ваш взгляд на взаимоотношения девушек?

– Не положено.

Адриан хмыкнул. Значит, не положено. Он задумался: отказать мальчишке было самое простое, что приходило в голову, просто по той причине, что он в данный момент был мужчиной, не женщиной. Но он всегда и любил и ненавидел эту сущность. И сколько ему придется пробыть еще мужчиной, трудно сказать. Молодец, ничего не скажешь, тщательно скрывался, но все чего он добился – это интервью молодого стажера, когда его приняли не за того.

– Если вы хотите услышать мое мнение, именно мое мнение, взгляд так сказать со стороны на женскую дружбу, – Адриан сделал ударение на слове «мое». – То того времени, что в данный момент я располагаю, боюсь не хватит. Просто его слишком мало. И если вы хотите узнать это мое мнение, то я буду вас ждать в кафе «Изабелла» после шести вечера. Точнее я не буду вас там ждать, вы меня сможете там найти по четвергам после шести. Я захожу туда выпить бокал хорошего «Семильона» и пообщаться с друзьями. А уж потом, если меня интересуют ваши вопросы, я смогу бы на них ответить. А сейчас извините, я не располагаю временем для бесед.

И Адриан, поклонившись, зашагал прочь от мальчишки, оставив того посреди улицы размышлять над тем, чего он хочет больше – получить на свои вопросы мгновенные ответы или поговорить с этим мужчиной. А там, вдруг у него получится статья.

От автора

Я понимаю, что надо было сначала написать слова от автора, а потом начинать повествование, но что сделано, то сделано. Менять я ничего не собираюсь по нескольким причинам, и одна из которых элементарная лень. Но не судите меня за нее строго, все же лень – двигатель прогресса. И поверьте, это так, когда нам лень заниматься какой-то рутинной работой, мы придумываем, кто бы за нас ее смог сделать, например, механизмы и роботов. Только вот писательский труд по-прежнему не автоматизирован, и приходится, дабы удовлетворить взыскательных читателей, стучать с утра и позднего вечера по клавиатуре. Простите за лирическое отступление, когда еще придется вот так поговорить с читателями.

Итак, я уже свел двух главных героев. Сколько их будет всего, даже я не могу сказать достоверно, знаю только одно, они будут.

Я уже начал писать вступление и даже вымучил страницу текста, но при попытке дописать эту страницу до логического завершения и представить ее в достойном виде взору читателей, компьютер моргнул и погас. А после того, как я смог запустить его снова, то неприятно был удивлен, что написанная мной страничка не хочет открываться. Обидно. И писать авторское вступление во второй раз почему-то расхотелось.

Но посидев немного перед пустым листом, я все же ре-

шился рассказать о будущем произведении. Ну, самую малость. Все же негоже оставлять читателя в неведении. Нехорошо как-то.

Толстую тетрадь в коленкоровом переплете, первые записи в которой датированы 17... годом, в редакцию глянцевого журнала принесла молодая девушка.

– Вот, – шмыгнув носом и промокнув носовым платком глаза, сказала она и выложила тетрадь на стол перед главным редактором, – это все что у меня осталось от брата – его история любви и ненависти.

– И что это? – без особого любопытства поинтересовался редактор. К нему ежедневно и просачивались бочком, и врывались, как ураган, а то и просто заходили вот такие молоденькие девушки, которые написали любовный роман, бестселлер, и жаждали прославиться, опубликовать его как приложение к журналу.

– Что вы хотите? – снова спросил редактор, несколько не изменив тона, даже не добавив в голосе любопытства.

– Ничего, – пожала плечами девушка. – Если вы в этих записях ничего не найдете интересного для себя, то просто вышлите мне этот дневник по адресу.

Она сверху на тетрадь положила уже подготовленный пластиковый почтовый конверт с заполненным адресом.

Негромко всхлипнула, развернулась и ушла.

– Посмотри эти писульки, – почему-то попросил меня редактор, ставшего случайным свидетелем этой сцены. – Не бу-

дет ничего интересного для нас, упакуй и отправь. Пусть девушка попытает счастья в другом издательстве.

Дневник велся, судя по всему, молодым мужчиной от первого лица, я же позволил себе совсем немного переделать записи, добавил свои мысли, уж больно меня захватила написанная история, и предложил редактору выделить в журнале несколько страниц под роман, как я его тогда обозвал.

Тот согласился, так как одна статья не поступила в редакцию вовремя, а выхода журнала ждала огромная армия его поклонниц.

В то время ни я, ни главный редактор совершенно не ожидали, что редакцию завалят письмами, а телефон буквально раскалится добела – читательницы требовали роман, продолжения которого почему-то не оказалось в следующем номере журнала. В срочном порядке пришлось приносить извинения и печатать дополнительный тираж...

Вот такая история произошла с тетрадю в коленкоровой обложке.

Со временем записи из тетради и разрозненные главы, опубликованные на страницах глянцевого журнала, я свел вместе, пропустив через свое личное восприятие, и теперь пытаюсь представить на суд читателей.

Продолжение пролога

Кафе «Изабелла» – мужской клуб по интересам с жен-

ским именем, собиравший в своих стенах и под своей крышей только представителей сильного пола. И не надейтесь, вам не предложат здесь пива, только изысканные вина. Стоимость одного бокала хорошего «Семильона» доходила до ползарплаты рабочего на швейной фабрике, а бокал «Сотерна» с кусочком «Рокфора» мог стоять и все две.

Адриану иногда казалось, что хозяин сам ходил пешком в провинцию Бордо, чтобы принести на своих плечах те вина и сыры, что он предлагал своим посетителям. И не смотря на это, он ни за что не променял бы этот клуб на сотню других. Ему все нравилось – и лиловые тяжелые портьеры на окнах, и мерное жужжание кондиционеров, и тихие разговоры с друзьями, и последние сплетни. Да-да. Думаете, мужчины не сплетничают? Заблуждаетесь, только мужчинам сплетни и подвластны, только сплетни позволяют им становиться великими политиками. Это женщины косточки соседке перемоют и на этом успокоятся. А мужчины, нет, они не просто перемоют, проанализируют, почему это им захотелось соседке косточки перемыть, сделают из этого выводы и начнут войну, если их выводы не совпадут с выводами тех, с кем они косточки перемывали, проиграют, посплетничают, развяжут новую войну.

Но больше всего в этом клубе Андриану нравились вина. Красные, белые. Он не пил крепких напитков, пил только вина с их изысканными букетами, заедая кусочками сыров. И сыры. Страсть к сырам у него появилась давно, пожалуй,

с тех самых пор, когда он жил в Провансе.

Адриан задумался. Бордо, Прованс – как давно это было?

Именно сегодня он решил отказаться от обычного «Бордо» или «Семильона» и побаловать себя «Сотерном».

– Ты в лотерею выиграл, не иначе, – поинтересовался Витал, его неизменный партнер по пятничному преферансу. Вот уже как десять лет они исключительно по пятницам собирались у Адриана дома, в его холостяцкой квартире, чтобы расписать «пулю» – он, Адриан, Витал, Грей и Алекс.

Это были его друзья. Друзья, пока он жил здесь, в этом городе. Еще пара-тройка лет и он их покинет, слишком будет заметно, что они за это время изменились, постарели, а он как был молодым тридцатилетним мужчиной, так и остался. Ненавидел он то время, когда надо было все бросать и переезжать в другое место, при этом желательно было менять страну, а не только город. Снова налаживать быт, привыкать к новому имени, устраиваться на работу. Впрочем, он мог и не работать – денег у него и без этого хватало, не один счет был открыт по миру в разных банках. Только скучно было одному, тоскливо. Вот и старался он обзавестись друзьями, пусть даже на короткий срок.

Молодого журналиста Адриан заметил сразу, как только тот вошел в зал и остановился на пороге, озираясь по сторонам. Он улыбнулся, по всему было видно, что собираясь с ним на свидание, молодой человек надел самый лучший свой костюм, который в этом заведении смотрелся просто

нелепо, в силу того, что остальные посетители одеты были в клубные лиловые цвета. Так повелось давно, сюда приходили, а не заходили случайно, наверное, с тех самых пор, как Адриан впервые переступил порог этого заведения, в лиловом костюме, по оттенку совпавшем с обивкой мягких диванов в зале. Тех диванов давно уж нет, их заменили на ультрамодные, но только посетители по-прежнему приходили в лиловом.

Адриан продолжал рассматривать журналиста, подходить не спешил, тот тоже к нему не торопился, потому что не мог рассмотреть в неярко освещенном зале. Лучше бы молодой человек пришел в джинсах и футболке. Это было бы тоже нелепо, но, по крайней мере, объяснимо, шел мимо, зашел. Надо выручать парня, а то так и будет стоять и озираться по сторонам. Адриан поднялся со своего места и с ленивой грацией хищника двинулся по проходу к журналисту. Теперь и парень его заметил, улыбнулся и, одернув костюм, сделал шаг навстречу.

– Хотите выпить? – поинтересовался Адриан у интервьюера, когда представил его своим друзьям. Тот неуверенно пожал плечами, а потом кивнул. Понимая, что у стажера денег нет, чтобы заплатить за вино, Адриан заказал ему бокал «Сотерна» и сыр «Рокфор» за свой счет.

Нельзя «Сотерн» пить без «Рокфора». Нельзя. Они нашли друг друга – два противоречивых вкуса, крепость и сладость. Дополняют ли они друг друга, являются ли могучими сила-

ми, которые не хотят уступить друг другу – это традиционный предмет для споров. Как бы там ни было, попробовать их вместе – стоящее дело.

– Кладешь на язык кусочек «Рокфора», – наставлял парня Адриан. – Почувствуй его вкус, букет, остроту. Когда начнет пощипывать язык, сделай глоток вина, но только не глотай его сразу, а позволь ему сразиться с сыром, покатай на языке, ощути теперь его букет. Прикрой глаза и представь виноградники, от края и до края. Солнце!

– Да ты поэт, – рассмеялся Грей. – Никогда такого за тобой не замечал. Или это юное создание тебя подвигло на это?

– Нет, совсем не оно, – улыбнулся ему в ответ Адриан. – А бокал хорошего вина, с ним я сразу становлюсь поэтом, хоть и не пишу стихов. Это не ординарное вино, которое выдерживали меньше года. У этого есть тело.

– Какая пошлая ваша наука – виноделие, – фыркнул Алекс.

Но парень аккуратно выполнял все, что ему советовал Адриан. Тот ему понравился еще там, на бульваре, он единственный, кто не отмахнулся от него, а согласился дать интервью. Только что-то пока интервью не получается. И он пьяненько улыбнулся мужчине.

«О, дорогой, да тебя от бокала хорошего вина развезло, как от пары пинт пива», – усмехнулся Адриан, понимая, что журналиста надо уводить отсюда, пока он еще в состоянии стоять на ногах.

– Извините, друзья, но мы вынуждены вас покинуть с молодым человеком, – он поднялся, помог встать парню и повел его на выход. По дороге, проходя мимо барной стойки, рассчитался с хозяином. А тот, вежливо поклонившись, тут же вызвал такси, которые дежурили возле заведения, на случай если понадобится доставить гостя домой.

– Что-то интервью не получается, – прошептал журналист, закрывая глаза и склоняя голову на плечо Адриана.

– Куда едем? – поинтересовался водитель, когда его пассажиры расположились на заднем сиденье автомобиля. Адриана он знал, часто его отвозил домой по четвергам, а вот его спутника видел впервые.

– Домой, – вздохнул мужчина, понимая, что от задремавшего парня он вряд ли добьется, куда того везти.

Водитель такси помог Адриану высадить из машины его спутника, который даже не проснулся от всех этих манипуляций и на ноги вставать не собирался.

– Вам помочь? – поинтересовался он на всякий случай – клиент щедрый, можно и оказать ему услугу.

– Нет, спасибо. Я в состоянии и сам донести до своей квартиры это эфемерное создание, – ответил тот, подхватывая на руки парня, казавшегося невесомым.

– Да, уж, – согласился водитель, он и сам удивился, ведь парень больше напоминал молоденькую девушку, но на его журналистском бейджике была фотография и под ней значилось «Исидор Кален, журнал “Прелеста”». Он знал этот жур-

нал не понаслышке, его жена являлась его постоянным читателем, причем предпочитала только глянцевого бумажный вариант, заставляя своего супруга разыскивать по киоскам свежий номер. А в журнале корреспондентами могли работать только мужчины. Женщинам и девушкам путь в журналисты был заказан. Для них правительством был строго определен список доступных специальностей и времени работы, чтобы их профессиональная деятельность никоим образом не мешала воспроизводству населения.

– Но я не откажусь от вашей помощи, если вы мне можете открыть входную дверь, – попросил Адриан, передавая водителю магнитный ключ от подъезда...

«Ну, и куда его положить? Кровать же у меня одна, а диванчик слишком короток, чтобы укладывать парня на него», – Адриан огляделся по сторонам, пытаясь куда-нибудь пристроить спящего журналиста в своей квартире. Приняв решение, что кровать все же его, он опустил того на кожаный диванчик, и отправился за постельным бельем для него. Наскоро раскинув простыню и подсунув под его голову подушку, он принялся парня раздевать – жаль будет, если его костюм изменится...

Он лежал на своей кровати без сна, пялился в темноте в потолок, пытаясь рассмотреть там нечто интересное.

«Ну, и что? Интервью не получилось, – хмыкнул Адриан. – Хотел рассказать, хотел поделиться с журналистом, душу перед ним обнажить, так сказать. Душу, которой нет, вот

уже почти триста лет».

Триста лет он слонялся по земле, взирая, как менялся этот мир. Только он не менялся. Нет. Вот тут Адриан лгал себе. Он менялся не внешне, нет, менялась его сущность...

Ее, Адриану Кермит, дочь третьего графа Суррея, предательски убили кинжалом в спину. Но прежде чем испустить дух, прежде чем последний вздох сорвался с ее губ, к ней явился человек в черном и спросил, хочет ли она отомстить. Адриана только прикрыла глаза в знак согласия, как просил человек, может, она и не соглашалась, а глаза прикрыла только потому, что обессилила в попытке удержать жизнь в своем теле. Но как бы то ни было, она стала тем, кем стала – бездушным Адрианом Кермитом, меняющим свое имя раз в десять-двенадцать лет.

Он даже не знал, как это происходило, но однажды рядом с кроватью в его спальне оказывались новые документы и инструкции, что он должен сделать, прежде чем исчезнуть и возродиться заново, как птица Феникс. А потом приходило к такому же, как он, насильственно лишенным жизни, помогая им исполнить свое предназначение на Земле и удалиться в мир иной.

Она отомстила за свое убийство. Но удовлетворения от этого не испытала. Все было банально просто – ее кузен нанял убийц, чтобы те освободили ему дорогу к титулу. Но кузен не знал, что у отца Адрианы был еще и сын, мальчик, рожденный в законном браке и являющийся прямым наслед-

ником, а не она, Адриана, которая категорически отказалась стать супругой своего кузена. Мать мальчика была служанкой в их доме, ею и оставалась, хотя брак с отцом Адрианы был оформлен по всем правилам. Мальчик был воспитан, как и положено сыну третьего графа Суррея. Ему просто никогда не сообщали, что его няня – это его мама, и женщина молчала – таковы были условия ее нахождения рядом с сыном. После смерти своего отца, он стал четвертым графом, его опекуном – Адриана, но об этом кузен не знал, а уже после «смерти» – мать юного четвертого графа смогла раскрыть свою тайну. А Адриана, став ангелом-хранителем своего брата, следила, чтобы с ним ничего не случилось. Она обожала жизнерадостного мальчишку всем сердцем, поэтому окружила его преданными слугами, которых подобрала сама, и которые готовы были отдать за него жизнь.

А потом пятым графом Сурреем стал его первенец. А потом... Словом, жизнь продолжалась, а для Адрианы она остановилась, замерев на отметке тридцать.

Оглядываясь в прошлое, она не чувствовала себя несчастной, но и счастливой себя не ощущала: одна, всегда одна.

Уже гораздо позже Адриана научилась заводить друзей, но вынуждена была с ними расставаться. Влюблялась в женщин, когда была мужчиной, но и с ними была вынуждена расставаться, чтобы исполнять последние желания тех, кому, как и ей не дали исполнить свое предназначение. Адриана постепенно становилась машиной для исполнения приго-

воров. Редко, когда кто-то из убиенных не просил наказать своего убийцу.

Первые двадцать лет после «смерти» он продолжал оставаться женщиной, это, пожалуй, был самый тяжелый период ее жизни. Его лишили сердца, но не чувств, она продолжала по-прежнему влюбляться и страдать. Внутри что-то сжималось и болело, только непонятно что. Поначалу она даже жалость испытывал к своим жертвам. Женщин убивали не менее редко, чем мужчин, и они обычно просили жестоко наказать своих убийц. А потом она перестала жалеть тех, кого, теперь ей, приходилось убивать, ожесточилась. Ведь ее жертвы сами лишили невинного человека жизни, за что она их и карала.

В основном, конечно, она продолжала оставаться женщиной. Ее редко запикивали в мужское тело. Но когда это происходило ей начинали нравиться женщины. Он, красавец-мужчина, богач, «рылся в них, как в сору», меняя одну на другую сразу, только после одной ночи, второй раз лечь с одной и той же женщиной в постель у него не возникало желания. О нем ходили всякие и всяческие слухи среди них, но и все равно те летели к нему, словно пчелы на нектар.

А затем судьба, вдоволь поиздевавшись над ней, снова сделала женщиной – она должен был исполнить последнее желание зверски убитой молоденькой девушки. Та была настолько чиста и совершенно невинна, что попросила что-то совсем смешное, ей даже на ум не пришло бы наказать своего

убийцу. Адриана сама пришла к нему, и когда расправлялась с ним, тот никак не мог поверить, что это именно та девушка, с которой он так жестоко совсем недавно обошелся. Ведь убийца не знал, что за невинной внешностью скрывался жестокий и хладнокровный палач. Нет, Адриан не убил его исподтишка, она вызвал его на дуэль, переодевшись мужчиной. Они сражались на шпагах – сильный самоуверенный убийца и Адриана, которая была лучшим в своем деле, лучшим палачом. Ей конечно было больно, когда противник пронзал ее шпагой, она позволяла ему позабавиться, потому что и сама в этот же самый момент, наносила точно такой же удар, заставляя мужчину корчиться от боли. Только вот удар в сердце он Адриане не смог бы нанести, сколько не старался, потому что получил бы ответный удар, а Адриана хотела, чтобы тот помучился не менее сильно, чем та девушка, когда умирала от потери крови.

И все равно женская сущность ей нравилась больше, чем мужская.

Глава 1

Адриана Кермит, посланник бургомистра Хью Уилбера, спрыгнула с коня прямо в лужу, которую не заметила в темноте, и с силой забарабанила в закрытые ворота постоянного двора. Если бы не дождь, который превратил дорогу в непролазную грязь и спутал все ее планы, она бы еще до сумерек добралась до Глостера, заночевала бы в объятиях какого-нибудь местного красавца на пуховой перине в его доме, а с утра продолжила бы путь до деревеньки Флетбери, являвшейся конечной ее целью. Что ни говори, а комфорт при ее работе она любила. Но теперь выбирать не приходилось.

Скрипнула дверь и недовольный голос зычно гаркнул с порога:

– Кого принесла нелегкая в сей час?

– Посланник бургомистра, – крикнула в ответ Адриана, стараясь как можно сильнее понизить голос, чтобы он больше походил на мужской.

– Бумага на сей счет имеется?

– Имеется. Как же без этого?

Адриана стянула кожаную перчатку с руки и полезла за пазуху, чтобы извлечь сложенный вчетверо лист бумаги с гербовой королевской печатью. В той бумаге было прописано, что она, Адриана Кермит, является борцом с любой нечистью, которая может завестись в их спокойном королев-

стве, будь то оборотни, вампиры или ведьмы, и ей следует оказывать всякое и всяческое содействие. Она редко извлекала королевский приказ на свет божий, только тогда, когда требовали, как, например, сейчас. Не злоупотребляла своим особым статусом. Как за гостиницы так и за хорошую кухню платила исправно из заработанного за честно выполненную работу. Но уж если вдруг потребовали предъявить королевский приказ, то тогда будьте любезны обеспечить ее всем необходимым и обслужить по высшему разряду за государственный счет.

Слышно было, как зашлепали босые ноги по лужам – явно не хозяин постоянного двора заспешил к Адриане, а затем заскрипел отодвигаемый засов на воротах.

– Покаж бумагу, – из-за ворот появилась вихрастая мальчишечья голова. На вид парнишке было лет пятнадцать от силы.

– Ты читать-то хоть умеешь? – усмехнулась Адриана.

– Не бойсь, разберу, что там прописано, – надулся паренек, протискиваясь в образовавшуюся щель к посланнику бургомистра. Он держал в руках свечу, прикрывая ее рукой от дождя и ветра, чтобы при свете взглянуть на королевский приказ.

– Дождь идет, – проворчала недовольно Адриана, не торопясь предъявлять документ. – Намокнет, чернила поплывут.

– Следуй за мной, – согласно кивнул парнишка, передавая ей свечу и беря под уздцы коня, нетерпеливо переступавшего

с ноги на ногу. Как было ему приказано, он убедился, что за воротами, кроме посланника бургомистра, никого больше нет. А то мало ли кто шастает по ночам? Государственного человека можно спокойно пустить в дом, не опасаясь ни за жизнь, ни за здоровье хозяев и постояльцев.

Ни одно окно длинного одноэтажного здания постоянного двора, обвитого плющом до самой крыши, не светилося, и только из-под двери пробивалась узкая полоска света.

Задержавшись на крыльце, Адриана удостоверилась, что и ее коню тоже предложат место в стойле и охапку душистого клевера. После этого она стянул с себя дождевик и с силой стряхнула с него дождевую воду.

«Неплохо было бы, чтобы камин был разложен, тогда хотя бы оставалась надежда, что обувь и одежда просохнут до утра», – подумала Адриана, тяжело вздохнув. Угораздило бургомистру отправить ее с важным заданием в дальнюю часть округа в такую мерзкую погоду. Совершенно не хотелось натягивать на себя поутру снова мокрые штаны и куртку. Конечно, можно было бы перетерпеть – до Флетбери оставалось не более суток пути, а вот в Глостере теперь она задерживаться не станет, а просто объедет город стороной...

– Ужинать будете? – рыкнул хозяин постоянного двора. Его голос полностью соответствовал внешнему облику – высокий, широкоплечий, с лицом, словно вырубленным мастером из цельного куска камня, но потом передумавшим довести свое творение до совершенства.

– Буду, – ответила Адриана, понижая голос, хотя еще совсем недавно совершенно не собиралась этого делать. Но в тепле на удивление уютного обеденного зала, освещенного в поздний час лишь несколькими свечами, почувствовала, насколько устала и голодна. А еще совсем недавно, сидя на осторожно ступающем по раскисшей дороге коне, она мечтала лишь о сухой постели и чистом белье. В другое время верное животное быстрее ветра домчало бы ее из цитадели до Глостера – конь был нетерпелив и скор, под стать своей хозяйке. Но шедший без перерыва вторые сутки дождь и его планы нарушил – резвому животному приходилось плестись со скоростью улитки, опасаясь за свои копыта и шею седока. И никакие удары кнута по его бокам не смогли бы заставить его двигаться быстрее.

– Ребекка! – рявкнул хозяин, приоткрыв дверь, ведущую куда-то во внутренние помещения.

Адриана под села поближе к еще непогасшему очагу, чтобы хоть немного обсохнуть.

Миловидная полнотелая хозяйка появилась довольно быстро. Она выставила перед ней кувшин с домашним элем, миску с хлебом и горшок, накрытый крышкой, с каким-то варевом.

– Извините, – произнесла она виновато, – это все, что осталось от ужина. Мы не ждали гостей так поздно.

– Непогода, – многозначительно ответила Адриана, беря в руки солидный кусок хлеба и снимая крышку с горшка. –

Тушеное мясо с овощами! – вскрикнула она непроизвольно.

Женщина довольно улыбнулась, что угодила гостю, и кивнула в ответ.

– Иди к себе, – хозяин оттер жену от стола, за которым сидела Адриана. Даже когда мужчина пытался говорить негромко, голос его все равно звучал весьма грозно – с таким лучше не спорить и не вступать в перепалку.

– И что понадобилось посланнику бургомистра в нашей глуши? – хозяин, сев напротив Адрианы, выразительно осмотрел на нее из-под кустистых бровей.

– Не секрет, – пожала она плечами, продолжая с аппетитом поглощать содержимое горшка. Она сейчас съест принесенный ужин, пока тот не остыл, а потом за элем обязательно побеседует с хозяином. – А округе произошло несколько странных убийств, – добавил она, жуя мясо.

– И что в них странного?

Теперь пожал плечами хозяин. Вот уже как месяц от Флетбери до цитадели Уилбер лихорадило округ, а бургомистр только сейчас соизволил отправить своего посланника разобраться с этим странным делом. Отцы и мужья опасались за жизни своих дочерей и жен, не отпускали их за порог без сопровождения, но, поговаривали, что и этого стало уже мало.

Адриана не спешила с ответом – это с ней должен был поделиться своими домыслами хозяин постоянного двора, рассказать, что в тех убийствах было странного. Посланнику бургомистра было лишь известно, впрочем, и не только ей

одно, что женщины, носящие платья с зелеными рукавами, подвергались насилию довольно часто. Но напасть на девушку, одетую в красный плащ или красную шапку, символы чистоты и невинности, мог только отъявленный негодяй, достойный смерти, или... Адриане не хотелось думать о худшем.

– Это оборотень? – спросил хозяин, первым не выдержавший игры «в молчанку».

Адриана, не торопясь, налила себе в кружку эля из кувшина – ужин съеден, теперь можно и поговорить.

– Не уверен, – ответила она низким голосом и сделала большой глоток. Она часто, будучи одетой в мужской костюм, говорила от мужского лица. Знала еще со времен, когда проживала с отцом в замке, что мужчинам доверяли порой больше, чем женщинам, видимо не верили в ее силу.

На удивление пенный напиток оказался весьма неплох.

– И бургомистр не уверен, – добавила она.

Адриана не лгала – выводы делать рано, хотя все говорило, нет, пожалуй, кричало, что в окрестностях деревушки Флетбери свирепствовал молодой неопытный оборотень. До тех пор, пока она не поговорит со свидетелями, не увидит тела девушек... Хотя вряд ли ей разрешат проводить эксгумацию. Но с другой стороны, только по характеру нанесенных ран, ставших причиной смерти, она смог бы достоверно определить, кто стал убийцей – человек или тварь. Придется снова и снова опрашивать свидетелей – другого выхода она

не видела. И если выясниться, что это был все же человек, то она смело займется его поисками, чтобы исполнить на возложенное на нее предназначение – с особой жестокостью лишить его жизни, как поступил он сам. А вот если орудовал оборотень, то тогда ей придется выйти на тропу войны уже с ним.

Адриана снова отхлебнула из кружки эля. Только непонятно, зачем твари это надо? Что он хотел доказать? Что люди посягнули на его территорию? Вряд ли... Деревня Флетбери стоит на своем месте не одну сотню лет. Или он хочет выжить людей с насиженного места? Глупости... Не удастся ему этого сделать. Правда, некоторые, побросав дома, все же переселились поближе к Глостеру в надежде, что городские стены смогут их защитить, будь то человек или зверь. Но Адриана Кермит призвана остановить распоясавшуюся тварь, чтобы снова принести в эти места спокойствие.

– Ситлин Беннетт была просто святая, – вздохнул хозяин. – Как впрочем, и ее сестра Этки. Конечно, что говорить, девушки из небогатой семьи, но любой в округе посчитать бы за честь взять их в жены даже с маленьким приданным. После смерти сестер их отец, господин Беннетт, слег, хотя сильный был мужчина, а мать девушек лишилась рассудка и теперь бродит по окрестным лесам, пугая всех своими призывными завываниями к духам забрать ее брненное тело с этой грешной земли.

Адриана и об этом слышала – у нее было переданное бур-

гомистром письмо, написанное старостой Флетбери, вызывавшего о помощи и подробно изложившего случай с семьей Беннеттов. Посланнику бургомистра доложили даже больше: рукава красных плащей обеих сестер имели характерные зеленые травяные пятна, что позволяло сделать определенные выводы.

– Не верьте всему, что расскажут о девушках, – словно прочитав ее мысли, сказал хозяин. – Все, что ни скажут, все окажется ложью. Они святые. А теперь и подавно.

Адриана и без его слов это знала. Ее и послали рассчитаться за невинно загубленные души, попросившие мщенья.

* * *

Адриана не решилась выходить под по-прежнему продолжавший идти дождь, а осталась стоять на крыльце дома, дожидаясь, когда мальчишка, тот, что впустил ее во двор вечером, приведет к ней оседланного коня – промочить сапоги за длинный день она еще успеет ни один раз.

Ребекка, высунувшись из дверей, протянула ей холщовую сумку.

– Я вам завтрак собрала, – произнесла она и, смущенно сунув записку в ладонь Адрианы вместе с сумкой, тут же исчезла снова внутри дома.

Она не стала сразу смотреть, что хотела ей сообщить жена хозяина – выедет за ворота, тогда другое дело. Если понадо-

бится, то вернуться она всегда успеет.

«Линсей Беннетт из Ламберхардста» было выведено карандашом красивым почерком на клочке бумаги.

– Ну что же, можно свернуть и в Ламберхардст, хоть деревня и не лежит на пути, – негромко проворчала Адриана и чуть пришпорила коня, ткнув его сапогами в бока, – для бешеной собаки Адрианы Кермит, когда она идет по следу, и сто миль – не крюк. Но умное животное даже не подумало ускорить шаг, чему девушка страшно обрадовалась – это она по недоразумению решила поскакать быстрее.

Дождь все не прекращался, казалось, что небеса за что-то прогневились на грешную землю или обиделись на нее. Второе было более вероятно, так как дождь больше походил на слезы обиды, а не наказания. И когда, наконец, посланник губернатора постучалась в ворота госпожи Линсей Беннет, то вид она имел весьма жалкий: дождевик ее промок насквозь и уже не защищал ни от ветра, ни от потоков воды с неба, сапоги и дорожные лосины были заляпаны грязью, так как кое-где по пути приходилось слезать с коня и буквально тащить его за поводья вперед, выдергивая и свои ноги, и копыта животного по очереди из жижи, в которую превратилась дорога. Адриана в очередной раз поблагодарила провидение, что заставило его отказаться от дорожной кареты и отправиться в поездку верхом на любимом жеребце.

– Вам кого? – недовольно спросила молоденькая служанка или компаньонка, открывшая Адриане дверь, но не пустив-

шая ее дальше порога.

– Мне бы поговорить с госпожой Беннетт, – как можно почтительней произнесла Адриана. Она давно усвоила и взяла за привычку – спорить со слугами, а особенно демонстрировать свое превосходство над ними не стоило при первой встрече. Потом она, конечно, поставит девчонку на место, но не сейчас.

Девушка кивнула, сморщила тоненький носик, пренебрежительно окинув взглядом визитера, но все же разрешила переступить порог.

– Стойте здесь, – приказала она строго, ткнув пальцем впереди Адрианы, и подхватив юбки, умчалась вглубь дома.

Линсей Беннетт, высокая сухопарая дама, лет пятидесяти на вид, не заставила себя долго ждать, появившись перед неожиданным гостем буквально спустя пару минут.

– Простите... – она выразительно приподняла бровь, пытаясь понять, кто перед ней – мужчина или женщина.

– Посланник бургомистра Адриана Кермит, – ответила та и протянула бумагу, вынув ее из-за пазухи и стараясь не замочить.

– Чем обязана вашему визиту? – спросила она не менее строго, чем ее служанка, даже не взглянув на королевский приказ.

Адриана снова спрятала на груди бумагу, дававшую ей определенные права, и затем подала ей клочок бумаги, где карандашом было начертано имя женщины, стоявшей перед

ней.

Линсей улыбнулась, сделавшись сразу моложе лет на десять.

– Ребекка, – произнесла она, продолжая улыбаться, – узнаю ее каллиграфический почерк. Она моя двоюродная сестра по матери. Проходите...

И она указала на дверь комнаты, за которой, по-видимому, находилась гостиная.

Но Адриана не тронулась с места – она выразительно посмотрела себе под ноги, где уже образовалась лужа от его мокрого дождевика. Да и грязными сапогами ей не хотелось топтать начищенный пол.

– Мелани, – крикнула женщина. Несмотря на возраст, у нее оказался на удивление звонкий голос, как у молоденькой. – Принеси гостю полотенце, чтобы вытереться, что-нибудь из вещей господина Беннетта и тапочки.

Снова появилась молоденькая служанка. Она смущенно отвернулась, дожидаясь пока Адриана переодевалась, а затем забрала ее сапоги, дождевик, промокшую куртку и перепачканные грязью штаны, чтобы вычистить и просушить.

– Беннетт – это фамилия по мужу? – спросила Адриана, когда они расположились в гостиной в креслах напротив друг друга за чашкой чая.

– Да, – кивнула Линсей. – Это моих племянниц зверски убили, деверь лежит прикованный к постели, а его несчастная жена сошла с ума. И теперь я вынуждена отправить свою

дочь во Флетбери, чтобы ухаживать за бедным родственником, хотя очень опасаюсь за ее жизнь.

– Девушка уже уехала? – испуганно спросила Адриана и чуть не облилась горячим чаем. Не хватало только еще одной смерти.

– Нет, Дезире еще дома. Лишь собирается в поездку, – покачала головой госпожа Беннетт. – Сами понимаете, почему мы не спешим. Страшно.

– Я могу составить компанию вашей дочери в поездке, – Адриана тут же предложила себя в качестве компаньонки. – В любом случае рядом со мной и под моей защитой ей будет спокойнее – бургомистр оправил меня расследовать обстоятельства гибели сестер Беннетт.

Линсей снисходительно ухмыльнулась, мол, девочка, тебя бы кто защитил, но в ответ согласно кивнула – ее Дезире, действительно, в компании этой уверенной в себе молодой женщины будет не так жутко, как одной.

– Я бы не хотела задерживаться надолго, – сказала Адриана, – и, как можно скорее, желала бы отправиться в путь, сейчас темнеет рано, а до Флетбери полдня пути. Но прежде, чем покину ваш гостеприимный дом...

– Утром, только утром вы отправитесь в путь, – перебила ее Линсей Беннетт твердым тоном.

Адриана согласно кивнула – это входило в ее планы, она планировала разговорить хозяйку дома и та расскажет все, что знала о своих племянницах. С чужими людьми легче де-

лить постигшим горем...

Дезире Беннетт, приятная молодая особа, оказалась, видимо, небесам и Ребекке так было угодно, одного с Адрианой возраста, роста и примерно такой же комплекции, как она сама. И там, куда она направлялась, ее до этого никто не видел.

Это обстоятельство посланник бургомистра сразу решила использовать, как только увидела девушку, чтобы появиться в деревне Флетбери инкогнито. Точнее, вместо себя она решила подсунуть старосте Дезире, если та согласилась бы, а сама отправилась бы к Беннеттам.

Она сразу же изложила девушке свой план, как только ее дом исчез из виду. Дождь хоть и кончился наконец-то, но благоразумная Дезире решила отправиться в путь, как и Адриана, верхом, не желая ждать, когда дорога хоть немного подсохнет, чтобы можно было запрячь повозку, поэтому она даже вещей с собой взяла немного – только платье и смену белья.

– Но я никогда не занималась расследованиями подобного рода, – попыталась отказаться Дезире.

Но Адриана привела множество доводов, поему она должна согласиться выдать себя за нее, и убедила...

– Нет ничего проще, – сказала она. – Вам придется только внимательно все выслушивать и запоминать, а потом мне рассказывать.

– Но мне не поверят, – попыталась привести последний

довод Дезире.

– Думаете, мне верят, что я посланник бургомистра? – рассмеялась Адриана. – Даже бумага с королевской печатью не всегда спасает и мужское платье. Не верят.

– И как вы поступаете в таких случаях? – улыбнулась девушка, ставшая сразу невероятно хорошенькой.

– Честно выполняю свою работу, а главное хорошо, несмотря ни на что, – улыбнулась в ответ ей Адриана. – Поэтому предлагаю в ближайшей гостинице или постоялом дворе поменяться одеждой, чтобы во Флетбери тебе сразу отправиться к старосте, а тот, согласно королевскому приказу, должен обеспечить тебя комнатой в гостинице, если там таковая имеется, и поставить тебя на довольствие. Я же напрямую отправлюсь в дом несчастного господина Беннетта.

– А вы за больным, разбитым параличом, ухаживать сможете? – вдруг вспомнив, зачем ее послали к родственнику, испугалась Дезире. Матушка ей поведала, что сиделка, которой они до этого платили, наотрез отказалась ухаживать за господином Беннеттом, а другая запросила слишком много. Хоть их семья и не бедствовала, но сумма оказалась просто неподъемной.

– Смогу, – серьезно ответила ей Адриана. Он не солгал ни на йоту – в своей работе, чем только ей не приходилось заниматься, кем она только не притворялась. – Не переживайте. И обед приготовлю, чтобы больного накормить, и «утку» поднесу, и простыни перестелю. Да и сподручнее мне, «здо-

ровому мужику», за которого я себя выдаю, будет за немощным ухаживать, чем вам, хрупкой девушке. А вы уж для меня расстарайтесь.

Дезире рассмеялась над его словами «здоровый мужик» – мало она от нее отличалась, а в ее платье, плаще и шляпке будет выглядеть такой же хрупкой девушкой, как она сама.

Староста деревни Флетбери Винсент Эрни, высокий, статный, седовласый мужчина лет пятидесяти, окинул недовольным взглядом посланника бургомистра. Мальчишка на вид: невысок, худощав, светловолос, безбород, обладал голосом, как у девушки. Что с такого возьмешь? Ему не преступления расследовать и с оборотнями сражаться, а девок на деревенских вечеринках пощипывать за мягкие места, да потом уворачиваться от их кулачков, чтобы по ребрам не попало – и те не приняли бы его всерьез. Но выбора не было – кого прислали, тем придется и довольствоваться.

Он обреченно вздохнул и вернул королевский приказ его владельцу.

– Остановиться можете у вдовы Казандры Гарс, – сказал староста, снова вздохнув. – Думаю, у нее вам будет сподручнее, чем на постоялом дворе.

Дезире хотела возмутиться, что привыкла ни от кого не зависеть, быть себе хозяином, но потом передумала – к вдове будут захаживать подружки, друзья, знакомые и просто любопытные, вот с ними, как со свидетелями, она и поработает на первых порах. Проку в доме вдовы от нее будет больше,

главное, чтобы та ничего не заподозрила. Но она станет, как велела Адриана Кермит, запирает дверь в свою комнату и в обязательно порядке носить платок на шее.

– Хорошо, – кивнула Дезире в ответ.

– Ну, и ладушки, – произнес староста и подробно рассказывал, как найти дом вдовы.

Дезире вышла из здания ратуши и, взяв своего коня под уздцы, направилась не туда, куда ей указали, а совершенно в противоположную сторону – познакомиться с вдовой она еще успеет. А сейчас надо было решить первоочередную проблему – перед самой деревней ее конь захромал. Поначалу она решила, что тот повредил ногу, что на такой дороге совершенно немудрено, но Адриане удалось рассмотреть, что несчастное животное всего-навсего потеряло в грязи подкову, и попросила ее сразу обратиться к местному кузнецу, чтобы, во-первых, подковать коня, а, во-вторых, заказать кинжалы для нее. Ей самой, когда она выдает себя за родственницу Бенетта, сделать это будет несколько проблематично, а без оружия ей никак нельзя.

– Что случилось? – доброжелательно поинтересовался кузнец, здоровенный детина в кожаном фартуке, надетом прямо на голый торс, и ласково потрепал гнедого жеребца по гриве.

– Подкову коню, – сказала Дезире – хоть кто-то обрадовался ее визиту, а то до этого смотрели на нее либо с опаской, либо с недовольством. – А мне бы парочку кинжалов.

– Подкову сделаем сейминутно, – кивнул кузнец, вытирая куском ветоши копыто животного, – а про кинжалы расскажешь позже.

Позже так позже, Дезире спорить не стала, тем более, тропить события. Может, кинжалы и не понадобятся Адриане вовсе. На первое время у нее кое-что имелось в наличии, та сказала. А дальше по обстоятельствам видно будет, на какого зверя придется готовить оружие и придется ли...

Вдова жила в довольно большом каменном доме, крытом терракотового цвета черепицей. От калитки до крыльца по двору вела неширокая выложенная камнем дорожка, по сторонам которой цвели петунии и хризантемы, посаженные хаотично. Если за газоном и кустарниками, росшими вдоль невысокого забора, опытный глаз Дезире сразу определил, ухаживал садовник, чувствовалась рука мастера, то цветами, совершенно очевидно, занималась сама хозяйка, высаживая их без всякой системы, просто по принципу, мне так нравится, и этого вполне достаточно.

Казандра Гарс, нестарая еще женщина, встретила посланника бургомистра в дверях своего дома и сама лично проводила в комнаты, которые отвели ей для работы и отдыха. Она тоже осталась недовольна внешним видом Адрианы Кермит, что вполне предсказуемо, так как сама вдова была почти на полголовы выше Дезире и шире ее в плечах.

– Я советую вам познакомиться и подружиться с моим

племянником Вульфом Гарсом, – произнесла она низким скрипучим голосом, прежде чем оставить ее одну. – Ему есть, что поведать вам.

Только племянника вдовы Дезире и не хватало.

Казандра Гарс добавила:

– Он приедет сегодня ближе к вечеру, и будет жить в этом же доме со мной и с вами. Постарайтесь ему понравиться.

Дезире согласно кивнула – у нее еще было время, чтобы посоветоваться с Адрианой, как ей поступить, а главное, как вести себя с неведомым родственником вдовы. Может все же лучше перебраться в гостиницу, которая в деревушке все же имелась, от греха подальше?

Глава 2

Войдя в незапертую дверь, Адриана остановилась на пороге.

– Добрый день! – крикнула она вглубь дома.

Тотчас из внутренних помещений появилась молодая женщина. Она, облегченно вздохнув, проскользнула мимо Адрианы на крыльцо. Та со слов матери Дезире и самой девушки уже знала, что это не сиделка, а всего лишь соседка, которая милостиво согласилась временно поухаживать за больным.

– Он там, – махнула она в сторону одной из комнат и, закутавшись в теплую шаль, не оборачиваясь, побежала прочь со двора.

Адриана заперла за ней дверь и нерешительно отправилась к господину Беннетту.

Тот не моргая уставился на свою «племянницу», внимательно рассматривая ее.

«Не красавица, – подумал он, – мои девочки были гораздо милевиднее. Нос, как клюв у хищной птицы. У моих носики были маленькие, тоненькие, а губки пухлыми. А у этой сжаты в тонкую нитку. А волосы... Хоть и светлые, как у моих дочек, но свисают паклей из-под капора, а у тех вились мягкими локонами вокруг лица. Вон и дылда какая, к тому же тощая. Даже плащ не скрывает ее худобу. Мои девочки были

не высокие, но и не маленькие, в самый раз. И пухленькие, хотелось прижать их к себе, и тискать, и тискать в объятьях. А об эту жердь, удариться побоишься».

Он также обратил внимание на не по-женски крупные руки «своей племянницы», которая длинными пальцами с неухоженными ногтями нервно теребила котомку. Скорее всего, у нее были и мозоли на ладонях, решил он. Его же девочек не обременяли тяжелым трудом, не заставляли работать по дому – их ручки с аккуратными ноготочками, нежные, мягкие, могли только дарить ласку. Он посмотрел и на ноги девушки, скрытые длинной, до пола, юбкой, из-под которой торчали лишь носки грязных сапог. Его дочери носили платья до колен, позволяя окружающим любоваться их стройными икрами и лодыжками. А у его племянницы, скорее всего, ноги тонкие и кривые, раз она никому их не показывает. И ходили его девочки, не ходили, а порхали. А эта протопала к нему в комнату, как мужлан.

Их открытых глаз господина Беннетта потекли непрошеные слезы – краше его девочек в округе никого не было. Не зря графу они понравились. Либо одна, либо другая обязательно стали бы его супругой. А теперь...

– Ну-ну, – проговорила Адриана, подходя к больному. Она бросил котомку на стоявший возле кровати стул, схватила с его спинки полотенце и ласково провела им по еще неморщинистым щекам господина Беннетта, вытирая влагу.

Адриана не попыталась говорить на тон или на два выше,

стараясь во всем походить на Дезире – у нее ко всему и голос был достаточно низкий. Зачем? Можно как-нибудь забыть-ся. А так пусть окружающие думают, что у племянницы господина Беннетта не только крупные по-мужски руки, но и приятный женский басок. Она не поняла, отчего ее больной заплакал сильнее и горше. А тот всего-навсего вспомнил, какие голоса были у его дочек – высокие и звонкие, как журчание ручейка в летний зной.

– Все будет хорошо, – сказала Адриана, повесив полотенце снова на спинку стула, когда поток слез прекратился.

«Ничего не будет уже хорошо, – мрачно подумал господин Беннет и тяжело вздохнул. – Ничего. Никто не вернет супруге разум, не воскресит моих девочек. Да и со мной все кончено. Кому нужен немощный старик?»

– Вы еще не старик, – словно прочитав его мысли, возразила Адриана. – Поправитесь, встанете на ноги. Женитесь на молодой и красивой. Она вам нарожает еще деток. А убийц ваших дочек я...

Адриана чуть не проговорилась. Она сразу засуетилась – стала поправлять якобы сбившееся одеяло.

– Прибыл посланник бургомистра, он с этим делом вмиг разберется, и все виновные будут наказаны.

Больной прикрыл глаза, соглашаясь с ней. Или просто устал...

Адриана посидела еще немного возле больного, когда ей показалось, что тот заснул, отправилась изучать хозяйство,

управляться с которым её придется некоторое время.

Куры, гуси, индюки, козы, овцы – самая обычная живность для деревни – квохтала, гоготала, бляела и мекала на заднем дворе. Ничего необычного Адриана не заметила – птица и скотина накормлена, козы подоены, хлева и загоны вычищены. В общем, все, как везде.

Не поленившись, она заглянула в довольно большой сарай. Маслобойка, которая обнаружилась там, похоже, работала совсем недавно, буквально вчера или позавчера – упавший на деревянный пол сарая жмых еще не подсох и пах свежим подсолнечным маслом.

– А до трагедии семья не бедствовала, – хмыкнула Адриана. – Интересно, а кто последний раз масло отжимал? Не соседка же...

Надо с ней поговорить, решила она. Да и повод к тому же имелся – больной, кроме всего прочего, еще и не говорил, то ли не хотел ни с кем общаться, то ли онемел с горя...

– Вам кого? – женщина постарше, но сильно похожая на ту, что выскочила от господина Беннетта, перегородила Адриане дорогу.

– Я Дезире Беннетт, – проговорила она со слащавыми интонациями в голосе, – приехал... ла ухаживать за дядей и хотел... ла бы поинтересоваться, как ухаживать за больным. Он же не разговаривает.

Тяжело сразу переключиться говорить о себе только от женского имени.

– Филомель! – прокричала вглубь усадьбы женщина голо-
сом, мало отличающимся от «мужского» голоса Адрианы. –
К тебе родственница господина Беннетта, – и добавила: –
Сейчас она подойдет.

Девушка не заставила себя ждать – появилась сразу. При
первой их встрече Адриана даже не успела разглядеть ее –
девушка-птичка с мелкими чертами лица и острым, как у
воробья, носом-клювиком.

– Понимаете, – защebetала она тоненьким голоском, со-
вершенно не похожим на зычный голос ее матери, – по боль-
шому счету, я ничем вам не смогу помочь.

– Мне помощь не нужна, – перебила ее Адриана, – я сам...
сама справлюсь. Мне нужен совет – чем кормить старика.

– Старика? – мать Филомель рассмеялась, а сама девушка
только улыбнулась и смешно сморщила носик-клювик и пе-
рестала пальцами нервно тереть передник.

– Хуксу Беннетту нет и сорока, и теперь он завидный же-
них. Советую к нему присмотреться, – добавила женщина и
скептически окинула взглядом долговязую фигуру Адрианы.

– Но я же родственница по крови: мой дядя и отец – бра-
тья, – пробормотала та в ответ неопределенно.

– И что с того? – покачала головой женщина и отошла от
них, оставив дочь беседовать с приезжей.

– Матушка спит и видит, что я стану новой супругой гос-
подина Беннетта, – прощebetала почти шепотом девушка.

– Беннетты так богаты? – кокетливо выгнула бровь Ад-

риана, словно и сама заинтересовалась состоянием мнимого родственника.

Филомель неопределенно пожала плечами:

– На наряды для дочек они не скупились – это было. А в остальном были, как все.

«Но маслобойка у них все же имелась, которой продолжает кто-то пользоваться без ведома хозяина, – хмыкнула про себя Адриана. – Больших денег стоит купить такую новую. На домашнем хозяйстве не заработать».

Про супружество с еще неовдовевшим господином Беннеттом с Филомель она успеет переговорить, но сейчас надо выяснить, как за больным ухаживать.

– Он почти ничего не ест, – прощепетала девушка, заметив, что ее мать снова возвращается к ним. – Много не готовьте. Совсем помаленьку. Придется долго уговаривать, чтобы накормить его...

Вот это посоветовала.

Адриана запустила пятерню себе в волосы и почесала голову, а потом резко убрала руку, когда заметила, что на нее недоуменно смотрят Филомель и ее мать, – она совершенно забыла, что милые барышни так не делают, боясь попортить прическу. Придется избавляться от еще одной «вредной» привычки и некоторое время походить в капоре, который она зачем-то сняла, когда пошла во двор. Да и вообще, надо постоянно теперь помнить, что она не Адриана Кермит, посланник бургомистра, а Дезире, племянница госпо-

дина Беннетта.

– Спасибо, – она вежливо поклонилась. И отправилась к себе.

По крайней мере, ясно одно, что за плохую стряпню пошнее ей не дадут и тарелкой в нее не запустят. Будет готовить для себя и этой же едой потчевать господина Беннетта.

«Как все... Как все...», – крутились в мозгу сказанные слова Филомель. Надо с ней непременно подружиться и немного посплетничать о дочках лежачего больного, а еще лучше с ее матушкой, решила Адриана. Что-то тут не так, как у всех. И с Дезире надо обязательно поговорить, девушка внимательная, сообразительная, может, уже чего заметила или узнала. Но она придет к ней только завтра...

На ужин Адриана отварила пару яиц всмятку и приготовила овсянку. Сама она ее не очень любила, но больному такая еда, на ее взгляд, показалась подходящей.

– А теперь мы съедим ложечку за маму, – произнесла Адриана ласковым голосом.

Она присел на стул рядом с кроватью, а на низенький переносной столик поставил тарелку с кашей. Перед началом трапезы она протерла влажной тряпицей руки Хукса Беннетта. А вдруг он сам захочет ложку в руках подержать?

Но тот даже не повернулся на ее голос.

– Я думаю, – произнесла Адриана назидательно, – что ваши дочери смотрят на вас с небес с укоризной, и им не нравится, что их отец изводит себя голодом. Они этого не одоб-

рили бы.

Ей показалось, что больной всхлипнул. Но, во всяком случае, он повернулся в ее сторону и слегка приоткрыл рот.

– Ну, вот и прекрасно, – обрадовалась Адриана. Она подцепила ложкой овсянку и поднесла к губам больного...

В дверь осторожно постучали...

Пришлось прервать ужин и идти встречать незваного гостя.

На пороге стояла девушка-птичка Филомель.

– Помощь не требуется? – спросила она, потупив взор. Ее руки нервно теребили край передника.

«Матушка послала, – усмехнулась про себя Адриана. – Опасается, как бы выгодный жених не обратил свой взор в сторону другой девушки».

– Проходи, – распахнула она перед ней дверь. – Сейчас докормлю старика, а затем вдвоем вымоем его и уложим спать.

– Вымоем? – совершенно откровенно испугалась Филомель.

– Конечно, – невозмутимо ответила Адриана. – Гигиена для лежачих больных – прежде всего.

– Но он мужчина! – вскрикнула Филомель и испуганно попятилась к двери.

– И что с того? – не поняла ее Адриана. Ей казалось, что такие вещи вполне взрослую девушку смущать не должны были.

– Я не смогу прикоснуться к его обнаженному телу!

Казалось, она готова упасть в обморок от одной только мысли, что ее нежные девичьи руки будут мыть мужское тело.

– Я сам... сама все сделаю, – согласно кивнула Адриана, слегка ухмыльнувшись. – А ты в качестве помощи перестелешь постель, нагреешь воды и заваришь травы.

– А трава зачем? – удивилась Филомель.

– Потом чайку с тобой попьем, – ответила Адриана, – когда после купания уложим спать господина Беннетта...

Не успела она запереть дверь за Филомелю и обдумать все, что та поведала ей за вечерним чаем, как латунный дверной молоток снова стукнул по своей наковаленке, оповещая о новом визитере.

Не спрашивая, кто там, а надо бы, будь она, действительно, молоденькой девушкой, Адриана распахнула входную дверь и улыбнулась, заведя на крыльце Дезире, наряженную в ее мужское платье. Она невероятно обрадовалась приходу девушки.

– Проходи, – Адриана втянула ее за руку внутрь дома. – Я угощу тебя чудесными пресными лепешками, оставшимися от ужина. А ты расскажешь мне все, что удалось разузнать, и за разговором научишь печь хлеб.

– С изготовлением настоящего хлеба даже не связывайся, – Дезире тоже не смогла сдержать улыбку, взглянув на Адриану, подпоясанную передником. В походном плаще по-

верх ее платья она смотрелась не так нелепо. – В деревне имеется пекарня. Там пекут такой вкусный хлеб и такие замечательная булочки, что я, не удержавшись, за ужином умяла целых три, причем со сливочным маслом. Представляешь, они были испечены еще утром, но до самого вечера оставались мягкими и ароматными, как будто только из печи. Если так и дальше пойдет, то к концу твоего расследования я стану на шарик похожа.

Она по-девичьи элегантно скинула на руки Адрианы ее дождевик и легко прошла на кухню – ни одна половица не скрипнула под ее легкой поступью. Следом за ней протопала Адриана, искренне удивляясь, как ей удастся так тихо ходить до деревянному полу.

– Надеюсь, нас не сильно побьют, когда подмена раскроется, – серьезно произнесла Дезире, по-хозяйски наливая и себе, и Адриане чаю. – Зря я согласилась на эту авантюру. Ты уедешь, а мне придется остаться здесь еще, пока родители не соизволят либо забрать дядю к себе, либо снова нанять ему сиделку.

– Да, кстати, – Адриана поставила на стол свою чашку с чаем, – надо обязательно переговорить с теми женщинами, что ухаживали за господином Беннеттом раньше. Узнать, почему они отказалась делать это и дальше.

Дезире кивнула, соглашаясь, – ее и саму мучал этот вопрос. Может быть, посланнику бургомистра они охотней расскажут об этом, чем Дезире Беннетт, которая теперь ухаживает

вает за больным вместо них. Девушка взяла с тарелки лепешку и, откусив небольшой кусочек, запила его чаем.

– Не люблю пустой чай, – улыбнувшись, ответила она на насмешливый взгляд Адрианы, – хоть сухой кусочек хлеба, но в рот обязательно что-нибудь надо положить. А у тебя получились такие вкусные лепешки. А тарелки, на которые ты их выложил, кстати, из тонкого дорогого фарфора. Не в каждом богатом доме на таких простому гостю лепешки поднесут.

– Не пропадать же скисшему молоку, – как настоящая рачительная хозяйка, нарочито громко с выражением произнесла Адриана и приложила палец к губам.

Ей показалось, а, может, и не показалось вовсе, что скрипнули половицы под чьими-то осторожными шагами, словно кто-то прокрался к кухне и пытался подслушать их разговор.

Дезире вытянулась в струну. По ее напряженной позе Адриана поняла, что и ей почудилось, что по дому кто-то ходит.

Бесполезно подсакивать и пытаться схватить за руку этого кого-то. Он исчезнет быстрее, чем Адриана добежит до двери, да и демонстрировать не стоит, что они слышали чьи-то шаги – у нее будет время, чтобы выяснить, кто это был. А пока они продолжают с Дезире пить чай и разговаривать о том, что произошло с хозяйскими дочками, ведь именно для этого пришел в дом господина Беннетта посланник бургомистра.

– Я провожу вас, – предложила Адриана, когда Дезире со-

бралась уходить.

Та покачала головой – если за ними следят, то им надо быть вдвойне осторожными.

– До калитки, – добавила Адриана. – Надо проверить, надежно ли заперты ворота.

Дезире понимающе кивнула – если их можно легко подслушать в доме, то на улице вряд ли удастся это сделать, оставаясь незамеченным.

Адриана специально не стала брать с собой фонарь, чтобы привыкшие к темноте глаза заметили любое шевеление и в доме, и в ближайших к калитке кустах.

– Мне страшно, – прошептала Дезире, поежившись.

– Не стоит бояться, – попыталась Адриана ее успокоить. – Вам, как посланнику бургомистра, ничего не угрожает. А вот племяннице господина Беннетта следует поостеречься, – произнесла она назидательно. – Постарайтесь ни себя, ни меня раньше времени не выдать.

Девушка кивнула в ответ.

– Меня беспокоит встреча с неким господином Вульфом Гарсом, с которым я, ну, просто обязана познакомиться, – проговорила Дезире на всякий случай шепотом.

– И знакомьтесь, – невозмутимо, но тоже шепотом ответила Адриана, – раз обязана. Разыграйте эдакого простачка, думаю, у вас получится. Ничего лишнего не говорите. Лучше молчите и слушайте. А еще лучше сразу ведите ко мне.

– Ему есть, что сказать вам, то есть теперь мне. Так сказа-

ла его тетушка Казандра Гарс, к которой меня поселил староста.

Адриана нахмурилась, но ничего не сказала – старосте виднее, где должен остановиться посланник бургомистра. Но из-за этого теперь и ей, и Дезире придется быть внимательными вдвойне, чтобы их обман не раскрылся раньше срока. Она интуитивно чувствовала, что в этой истории не все чисто, и девушке может угрожать реальная, а не мифическая опасность. Большею частью именно поэтому она предложил поменяться местами, а не только из-за расследования.

– Поцелуйте меня на прощание в щечку, – тихо попросила Адриана.

Дезире растерялась – обычно парни так поступали, прощаясь, но никак не девушки.

– На вас мои брюки, – прошептала Адриана. – Целуйте смелее. Пусть продолжают думать, что посланник бургомистра мужчина.

И негромко кокетливо рассмеялась своим низким грудным голосом...

– Итак. Что ты имеем? – проговорила Адриана, усаживаясь на стул на кухне и беря в руки чашку с давно остывшим чаем.

Первым делом, простившись с Дезире и вернувшись в дом, она проверил своего подопечного. Тот спал, повернувшись лицом к стене. Его одеяло было подоткнуто и обернуто вокруг ног так, как это сделала сама Адриана. Следователь-

но, встать с кровати, чтобы подслушать их разговор с Дезире, господин Беннетт никак не мог. Значит, по дому расхаживал кто-то другой. И этого другого надо обязательно поймать с поличным. Через входную дверь проникнуть он не мог, так как после бегства Филомели Адриана тщательно ее запира- ла, и даже не потому, что кого-то боялась, она давно уже ни- чего и ничего не опасалась, скорее, чтобы избежать непред- виденных неожиданностей.

Надо искать другой вход в дом, может быть, даже потай- ной. И этим она займется прямо с утра, после того, как на- кормит завтраком больного. Это первое.

Второе, Филомель вечером за чаем, как бы невзначай, об- ронила, что девушки Беннетт не были так уж невинны, как казалось на первый взгляд. Значит, ей следует порыться в шкафах, может, от них что-то и осталось. И вещи смогут рас- сказать о хозяевах больше, чем окружающие люди.

Третье, Дезире заметила, что повседневная посуда в доме не такая уж и простая. А ведь она взяла ту тарелку из обыч- ного шкафчика с кухонной утварью... «Как все», – сказала Филомель. Но не совсем, как все.

Поутру обязательно следует прогуляться до пекарни и по- судачить с тетушками. На новенькую вполне может полу- читься – кто-нибудь, что-нибудь и расскажет необычное. А там и обычное станет выглядеть совсем в другом свете.

Вульф Гарс... Адриана отчаянно пыталась вспомнить, где слышала раньше это имя, но не смогла, какая-то неуловимо

тонкая нить ускользала от нее. Когда заканчивалось одно дело и начиналось другое, не только ее забывали люди, но и она не всегда помнила тех, с кем сводила ее судьба.

Она снова и снова анализировала то, что слышала за прошедший день, пытаясь найти хоть что-то, за что можно зацепиться и начать расследование. Такова работа посланника бургомистра – больше приходилось думать, особенно в начале расследования, чем делать. Что известно об этом деле? Растерзанные тела девушек, сначала одной, затем, спустя несколько дней, а точнее почти месяц, другой, были обнаружены в лесу недалеко от деревни, но несколько в стороне от дороги, по которой те могли ходить в поместье графа. Вторая, Этки, умирая, попросила о мести.

Что могли делать сестры Беннетт в лесу, где настигла их ужасная смерть, никто ничего вразумительного сказать не смог.

Филонель вообще закатила глаза от ужаса и, избегая подробностей, поведала, что это могли быть только оборотни, которые выходят на охоту в это время года. Она добавила, что люди не настолько жестоки. «Наивная девушка, – подумала тогда Адриана, человеческий мозг в убийствах бывает более изощренным, чем звериный». Она не поленилась и проверила, что смерть младшей из сестер Этки наступила, действительно, в полнолуние. А вот старшая Ситлин погибла за несколько дней до того, как луна вступила в полную силу. Что-то тут не сходилось, либо оборотень был слишком

молод и не смог совладать с инстинктами.

Нервы Дезире оказались более крепкими, и она смогла добавить к тому, что и без того уже было известно Адриане, — лица девушек были обезображены до неузнаваемости, животы вспороты острыми когтями или ножами, а внутренности вынуты или выедены. Опустили сестер Беннетт по одежде и украшениям. Именно потому, что ни одно даже самое тоненькое колечко, ни одна самая крошечная сережка с их тел не пропала, сделали вывод, что это не были обыкновенные грабители.

Адриана еще раз перебрала в уме, что ей было известно о молодых оборотнях, и пришла к неутешительному выводу, что следует вооружаться серебряными клинками и искать логово молодняка в лесу, недалеко от того самого места, где растерзали сестер Беннетт. Похоже, несчастные нечаянно могли увидеть то, то видеть смертным было не положено...

Адриана постелила себе постель в комнате, расположенной рядом со спальней больного. Видимо, до него там ночевала предыдущая сиделка. Филонель же сказала, что она долго не задерживалась в доме после наступления сумерек, а сразу отправлялась к себе домой, и возвращалась только тогда, когда рассветало на улице.

Адриана не стала выяснять, почему она так поступала, и без того было ясно, что девушка чего-то опасалась или откровенно боялась. Скорее всего, того, кто бродил по дому. Она у нее обязательно выпытает, что ее так страшило в доме

соседа.

Глава 3

Едва рассвело, Адриана отправилась разыскивать пекарню. Она прекрасно знала, что в деревушках, подобных Флетбери, все надо делать, как можно раньше. К восьми-десяти часам утра все лавки – хлебопекарни, сыроварни, рыбокопильни – если таковые имелись, закрывались. Впрочем, это и понятно – товар продан, и за работу, чтобы завтра опять было, чем торговать. Хозяйки спешили затариться продуктами и обсудить последние деревенские новости. А вот к вечеру наоборот открывались питейные заведения, где собирались исключительно мужские компании, чтобы тоже обсудить последние деревенские сплетни.

Как только Адриана вошла в маленькую уютную лавочку, торгующую свежим хлебом – нашла ее исключительно по запаху – три покупательницы и хозяйка сразу смолкли, хотя до ее появления о чем-то оживленно беседовали. Адриана предположила, что обсуждали ее, точнее Дезире Беннетт.

Она с любопытством уставилась на стеллажи с выпечкой – такого разнообразия не встречала даже в городских лавках – тут тебе и деревенский круглый ржаной хлеб, и подовый, и отрубной, и ситный, который к своему столу приобретали исключительно богачи. А про изобилие мелкой сдобы и говорить и не приходилось. Адриана судорожно сглотнула слюну – не мудрено, что вчера Дезире, не удержавшись, съела

целых три булочки.

– Три... нет пять булочек с сезамом, – сказала она, – и булку подового хлеба.

Адриана аккуратно упаковала товар в свою сумку.

– А сыр, не подскажите, где можно прикупить? – спросила она, мило улыбнувшись посетительницам лавки.

– Я провожу, – вызвалась одна из покупательниц и, взметнув юбкой просыпавшуюся муку на деревянном полу, направилась к выходу.

«Удача», – обрадовалась Адриана и поспешила за ней.

– Какое горе, какое горе, – запричитала женщина, как только они отошли от лавки на приличное расстояние. – Господин Беннетт так любил своих крошек. Им прочили такое обеспеченное будущее. Сам нынешний граф приглядывался к девочкам. Поговаривают, что это дух старика-графа расправился с сестрами, не желавшего, чтобы его потомок женился на одной из сестер, – тараторила она без остановки, пока неспешно провожала свою спутницу к лавке молочника.

– А при чем тут дух старого графа? – не удержалась от вопроса Адриана.

– Так как же... – женщина непонимающе взглянула на нее, а потом махнула рукой. – Я и забыла, что вы приезжая. У нас в деревне эту историю все знают.

Она набрала в грудь побольше воздуха и снова быстро заговорила.

– Ходят слухи, только это не слухи вовсе, что, Хукс Беннетт – незаконнорожденный сын старого графа. Старик безумно любил его мать, то есть вашу бабушку. Невероятно красивая была женщина, вот граф голову и потерял от ее красоты. Задаривал подарками, драгоценностями, а вот к самому сыну оказался абсолютно равнодушен, не нужен тот был ему. У него и законных наследников хватало. А когда умирал, то строго-настрого наказал сыновьям и внукам не связываться с местными деревенскими красотками.

– Почему? – удивилась Адриана. Испокон века аристократы себе в любовницы выбирали исключительно деревенских девушек. Это и понятно... В такой глуши просто не найти, да и не пойдет аристократка графу в содержанки – только в случае крайней нужды.

– Причин на то много, – продолжила рассказывать женщина. – Но одна и главная – кровосмешение, чтобы ненароком сестра или племянница не понесла. Любвеобилен был не только старый граф, но и его отец, и дед, и прадед. Когда ваша бабушка забеременела в третий раз, ну, уже после рождения вашего отца и дяди Хукса, вот тут с ней и приключилось несчастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.